

на некрасивость, Сирано должен быть соблазнительным.

— Он способен абсолютно на все, — говорит постановщик восторженно о своем главном исполнителе. — Он может играть в любом регистре. Он многолик, как и его персонаж. Поэтому тут такой простор для творчества...

Первый лик Сирано — рыцарь плаща и шпаги, благородный и бесстрашный. Бельмондо играет его настолько увлеченно, что своим пылом заражает всю труппу, рождая в остальных актерах желание следовать его примеру и совершать такие же подвиги, какие совершает он сам. Увы, им это не всегда удается. В сцене осады Арраса один из исполнителей гвардейцев, войдя в образ, так разошелся, что вывихнул ногу. Оссейн с присущим его русской натуре пылом набросился на несчастного:

— Нет, как вам это нравится? В США актеры почему-то умеют делать все: танцуют, поют, кувыркаются, как акробаты. А вы не можете даже смотреть себе под ноги. К тебе, Жан-Поль, это не относится. Ты-то не рискуешь оступиться на ровном месте...

Второй лик Сирано — отчаянный каскадер. Во всяком случае, именно таким этого гасконца играет каждый вечер на сцене театра «Мариньи» Бельмондо. И трудно представить, что могло бы быть иначе, чтобы артист, столько раз продельвавший на съемках фильмов опаснейшие трюки, не признавая дублеров, не продемонстрирует тут свои атлетические данные. Хотя, впрочем, речь не о демонстрации... В этом спектакле, может быть, впервые за десятки лет актерской работы ловкость и отвага нужны ему уже не ради того, чтобы у зрителя захватывало дух, а ради чего-то более важного. О необходимости хорошей физической подготовки для работы над Сирано он говорит сегодня примерно так, как пианист-виртуоз говорит о гаммах:

— У этой роли были в прошлом великолепные интерпретаторы, но

кивали со своих мест, кричали, визжали, рыдали... Сорок раз помощник режиссера поднимал и опускал занавес и в конце концов так и оставил его поднятым. Было уже два часа ночи, а возбуждение не спадало, и зрителей невозможно было заставить покинуть зал...

Эта премьера — уникальная в истории французского театра. Обычно ее сравнивают с премьерой «Эрнани». Но пьеса Гюго была встречена хоть и очень бурно, однако неоднозначно: многие в зале шумели в знак протеста. У «Сирано» же не оказалось ни единого оппонента.

Несколько дней спустя главный персонаж пьесы — «человек с длинным носом» — уже появляется на конфетных обертках, карандашах, коробках с печеньем и даже бутылках шампанского! Пьеса срочно издается и переиздается. Ее заучивают наизусть и цитируют по всякому поводу. Когда на одном из спектаклей Коклен случайно пропускает несколько строк, ему возмущенно кричат из зала: «Ваш текст, месье, ваш текст!»

Вот так Ростан из начинающего драматурга за один вечер превратился в национального героя. А его «Сирано» — в гимн Франции, своего рода «Марсельезу».

«Фигаро-магазин», Париж.

они, на мой взгляд, слишком «интеллектуализировали» персонаж. Мы же с Робером Оссейном замыслили его как человека, который ни секунды не может усидеть на месте, который агрессивен, напорист и неуемен не только умственно, но и чисто физически. Он в вечном движении. Если бы не мое «каскадерское» прошлое, не знаю, как бы я выдержал этот ритм, заданный режиссером.

Слушая его, складывается впечатление, что когда он висел, зацепившись за вертолет, или когда перепрыгивал с крыши на крышу многоэтажных зданий, то всего лишь готовил себя к моменту «вступления» в роль Сирано де Бержерака.

Третий лик Сирано — одинокий герой, не умеющий ужиться в обществе и существующий вне его рамок. Это тоже хорошо знакомо Бельмондо, тоже играно не раз. Четвертый — анархист и исправитель несправедливостей, что вполне соответствует тому представлению, которое миллионы кинозрителей во Франции и в мире имеют о Жан-Полье.

Но есть еще один Сирано — тот неразгаданный до конца, «тайный» человек, который за внешним позерством, отвагой или сумасбродством скрывает рану, некогда нанесенную в самое сердце. Рана не закрылась, болит, и он продолжает страдать...

Эта подспудная тема, эта мелодия не программировалась Оссейном. Она возникает и раскрывается в спектакле только благодаря «инициативе» Бельмондо. Потому что из всех сторон личности прославленного героя именно эта ему особенно близка. Как, спросите вы, неужели, несмотря на его славу, популярность, миллионы зрителей и миллионы франков, он тоже испытывает это чувство обиды, несправедливости? Представьте, да. Наверное, поэтому иногда в нем вскипает мрачная злоба, которую он подавляет в себе большим усилием воли...

Год тому назад он гордо отказался получать «Сезара» (высшая во Франции ежегодная кинопремия. — Ред.), которого ему присвоили за лучшую мужскую роль в картине Клода Лелуша «Баловень судьбы».

— Признаю только суд моей публики, ничье другое мнение для меня не существует, — так прозвучал тогда мотив его отказа.

Своим друзьям-коллегам, порывавшимся от его имени забрать и привезти ему «желанный трофей», он запретил это делать. То было объявление войны миру кино, с которым он, несмотря на триумф «Баловня», решил порвать... То был бунт против «интеллектуалов», которые держали его в гетто коммерческих фильмов и одновременно ставили ему в вину то, что он отдаст предпочтение именно такого рода продукции.

— В 60-е годы я играл у лучших режиссеров эпохи — Годара, Шаброта, Алана Рене. Это была целая плеяда талантов. Разве я виноват, если позднее ничего подобного в нашем кинематографе не произошло, что те же самые мастера утратили былую силу?.. Поймите, киношедевр создается с обязательным участием двух сторон — актера и режиссера. Разумеется, мне всегда были во сто крат больше по душе настоящие авторские картины, а не боевики. Разумеется, если бы мне предложили нечто подобное «Детям райка» или «Набережной туманов», я бы не колеблясь сказал «да». Но мне такого не предлагали...

Итак, непреходящая обида на тех, кто бросил в него камень и с кем у него старые счеты, на посредственность нашего времени, за которую он как бы вынужден расплачиваться. А к этому примешивается другая, не менее жгучая боль — за покойного отца, известного скульптора Поля Бельмондо, по отношению к которому, как считает сын, Франция проявила «типичную» забывчивость и несправедливость. Все эти годы он упорно добивается, чтобы его скульптуры вышли из хранилищ, где продолжают находиться.

Он не просто боготворит отца и живет памятью о нем — свободном духом человеке, который никогда не «воспитывал» его, давая возможность «жить, дышать и быть всегда самим собой». Он испытывает к нему бесконечную благодарность.

— Отец научил меня не отступать от намеченного, работать, невзирая ни на какие «но». Не наставлениями научил, а своим примером. В 84 года он продолжал ходить в Лувр. Я его спросил однажды: «Зачем?» Он отве-

тил: «Чтобы учиться ремеслу»... Все последние годы жизни он регулярно интересовался у меня, когда же я вернусь к своей настоящей профессии. Под настоящей профессией он подразумевал театр — «единственное подходящее для актера место».

Наверное, сыновья любовь сыграла немалую роль, когда Бельмондо три года назад принял авантюрное, как он говорит, решение на время уйти из кино и поработать на сцене в «Кинне» — пьесе Сартра о великом английском актере с душой бунтаря и повесы (см. «За рубежом» № 30, 1988 г. — Ред.). Это был, как принято писать, триумф: двадцать минут аплодисментов после каждого спектакля, слезы публики в день последнего представления. Однако Жан-Поль не обольщался: то был всего лишь пробный шар, серьезное испытание сил на сцене еще предстояло...

«Сирано де Бержерак» — это пьеса, в которой Бельмондо окончательно избавляется от всех оков собственной легенды. Легенда, например, не признавала за ним поражений. За ним и за его персонажами. Еще не так давно, в «час пик» своего общественного, массового успеха, он говорил: «Не могу позволить себе играть неудачников. Не могу получать на экране оплеухи. Габен, когда ему давали в фильме пощечину, обязательно отвечал тем же. Иначе нельзя. Иначе публика не будет тебя любить». Его придворные сценаристы хорошо усвоили этот принцип: наш национальный Бебель (ласкательное от Бельмондо. — Ред.) не должен проигрывать, он вечный победитель, за ним всегда последнее слово.

Превратившись в Сирано, Бельмондо только и делает, что проигрывает. Вся жизнь этого героя — проигрыш, невзaira на внешний блеск, браваду и остроумие. Он ни разу не осмелился сблизиться с женщиной, потому что внешне уродлив или считает себя таковым. «Сирано» — это ведь еще и пьеса о том, что значит быть некрасивым, об одиночестве и несчастье любить и не быть любимым. И вот ведь парадокс — ее «несет на своих плечах» несравненный сердцем и соблазнитель! На вопрос, ощущал ли он себя в молодости некрасивым, Жан-Поль отвечает:

— Ничуть. Ухаживал за девушками напропалую. Никаких проблем.

Однако же ему пришлось испытать что-то вроде шока, когда он впервые появился на пороге известных театральных курсов Симона и их руководитель воскликнул при виде его: «Боже, до чего же уродлив! И почему только такие, как он, хотят поступать именно ко мне?» Или когда тот же Симон во время занятий заявил ему: «С вашей внешностью вы никогда не сможете на сцене обнимать женщину. Публика умрет со смеху».

— В ту пору мое лицо обрекало меня на роли слуг. В консерватории драматического искусства, где я потом учился, меня даже отговаривали сдавать выпускные экзамены, считали, что я их завалю из-за своих внешних данных. Когда в Италии я начал сниматься в первых своих фильмах, местная пресса называла меня «brutto di charmo». Я был очень польщен, так как по созвучию с французским считал, что это переводится как «обаятельный зверь». Но на самом деле это означает «обаятельный урод»...

Согласимся, что Бельмондо все-таки было легче, чем Сирано: его находили отталкивающим мужчины, а героя Ростана — женщины.

Он сейчас настолько вошел во вкус играть неудачливых и некрасивых, что серьезно подумывает обратиться в будущем к образу Квазимодо! Как бы то ни было, одно несомненно — театр его омолодил, потому что он перестал заботиться о необходимости вечно выглядеть юным, о своей «марке». Перестал ежесекундно ощущать на себе «груз» супермена, к которому в самолете «Конкорд» во время технической неполадки люди обращаются с требованием: «Предпримите же скорее что-нибудь, иначе мы разобьемся!» Зато чувствует себя собранным, дисциплинированным. Все прошлое лето он прилежно «зубрил» свою роль.

— В кино совершенно потерял привычку учить наизусть большие тексты, память стала никудышной.

А еще — чувствует себя податливым, послушным. Готов следовать за режиссером, соглашаться с его поправками. Готов снова и снова «прогонять» кусок, в котором Оссейну что-то не нравится. Раньше такого с ним не случалось: не выносил «насилия» над собой. Ну, что же, наверное, правы те, кто утверждает, что «звезды», достигнув определенной высоты, либо теряют голову, либо становятся мудрыми.